

Нина Горегляд

ЦВЕТОК ЗАПОЗДАЛЫЙ

Рассказ

В тот теплый сентябрьский вечер дождь лил как из ведра: щедро, неожиданно и, казалось, бесконечно. А зонт Марина на работу не брала. Вымокла до нитки. Торопилась домой не только из-за дождя. Скоро должен вернуться из музыкальной школы сын. Маленький скрипач...

Муж?.. Муж, наверное, опять приволочется пьяный. И хоть ужин на столе, начнет цепляться. Будет кричать, что он в доме хозяин, а она — никто. В который раз козырять, что квартира его, от матери... Размахивать руками и с кем-то, видимым только ему, разговаривать... Пока не свалится под стол. Тяжелый, грубый, давно чужой...

В такие вечера Марине не раз хотелось бросить все и уехать. Куда глаза смотрят. В крайнем случае в деревню, к матери.

Мама как в воду глядела, когда говорила: «Не иди за него, житки не будет. Весь же род — горькие пьяницы». Не послушала, успокаивала: «Мой Василь не такой... Он меня любит... Он ради меня...»

Ради нее он держался несколько лет. А потом с кулаками стал бросаться: пил и ревновал к каждому столбу. Был механиком, стал грузчиком...

Почти бежала под дождем, и мысль не давала покоя: «Какой сегодня придет?» И вдруг услышала взволнованный голос мужчины:

— Идите ко мне под зонт. На вас сухой нитки нет. Еще простынете.

— А если ваша жена увидит? — спросила она в ответ.

— Я свою еще не встретил. Хочу, чтоб такая, как вы, была. Цветок из провинции...

Дождь еще больше усиливался. И растерянная женщина нерешительно ступила под зонт. Отбросила с лица длинные и мокрые волосы. Мокрым крылом их нечаянно коснулась щеки незнакомца.

— Пойдем ко мне, — как давней знакомой вдруг предложил мужчина. — Дождь переждешь. Я в командировке здесь.

— Что вы? Я замужняя и — по гостиницам? Не надо!

— Пойдем, мне сегодня стукнуло сорок. А рядом — ни одной близкой души. Несу вот бутылку шампанского.

Не пить же одному? А ты такая милая... Не обижаешься, что я на «ты»? Стихи прочитаю: «Последняя любовь прекрасней первой...»

Марина заулыбалась. Ей со студенческой поры никто не читал стихи. Да еще так, чтоб глаза в глаза, а душа слушала душу...

Две силы боролись в ней. Одна, как сатана, шептала: «Это твой человек — иди! Боишься? Сплетен? Ну, так живи как жила, тяжело, буднично, серо. Тяни и дальше своего пьяницу в рай...»

Мужчина почувствовал эту неуверенность: протянул женщине ладонь. Она спрятала руки за спину. Он нашел их, задержал в своих.

— Не надо так. Вы же меня совсем не знаете, — слабо сопротивлялась Марина.

А рук не отнимала, и они испуганными птичками местилась в чужих ладонях, и было им там так уютно и тепленько, что женщина уже отчаянно решила: будь что будет. Она пойдет с этим человеком. Пойдет назло своему вечно пьяному. Хоть раз. Хоть не обидно будет, когда начнет ревновать и цепляться.

Все было в тот вечер на двоих: дождь, вино, стихи, тихий разговор... День рождения был у мужчины. А женщине все казалось наоборот. Он подарил ей праздник. Праздник, которого она никогда не имела. И уже не ждала. Праздник, который вернул ей крылья, надломленные мужем.

— Мне так хорошо с тобой, — шептала она. — Только я изменщица. Ты украл поцелуй...

— Не говори так, — перечил он. — Ты необыкновенная, светлая, трепетная... Вот только глаза с грустинкой... Тебя обижает муж... Такую на руках носить буду. Цветок мой запоздалый... Поедешь со мной в Минск? Будешь мне борщи варить, с работы ожидать... Радость такая дождевая... Я тебе завтра позвоню...

От этих ласковых слов она пьянела, как от вина. За восемь лет от своего законного, когда отбросить мат, слышала только «зараза», «принеси», «разуй»...

Сплошное унижение и издевательство. Терпела... Боялась уйти в никуда...

В подъезде дома кто-то опять выкрутил лампочку. И Марина никак не могла найти ключ. Дверь открылась сама: от нее босыми ногами зашлепал сын. И тут же пьяно заревел муж:

— Спать иди, заступничек!

Тяжелая пощечина обожгла ей лицо.

— Где ты была? — бешено ревел муж.

— Не трогай меня! Успокойся! — просила Марина. Но не тут-то было. Он еще раз наотмашь ударил ее по лицу. Разорвал на груди новое платье. И долго матюгался на кухне, гремел бутылками.

...Утром из зеркала на нее глянуло будто чужое лицо с подпухшими от слез глазами, разбитой губой и большим синяком.

Через плечо виновато смотрел муж. Спросил:

— Ты вчера из-за дождя зашла к подруге? Ты же ни с кем не была? Правда?

Душа в ответ кричала: «Была! Была! С другим! С женщиной! И этот, может, единственный вечер, значит для меня больше, чем вся жизнь с тобой, тираном!»

Но вслух она не сказала ничего.

— Я дурак, — винился муж. — Опять ни за что ударил тебя. Это все пьянь... Прости. Я снова закодируюсь, и будем жить хорошо. Люблю же тебя...

Она не хотела слушать, как он ее любит. Марина это хорошо знала, поэтому спешно складывала в дорожную сумку вещи свои и сына. Ночью она уже решила навсегда закрыть за собой двери этого опостылого дома.